

Под покровом глубокой ночи одна повозка устало и неспешно остановилась перед резиденцией Тун, а сопровождающая охрана, окружавшая повозку как спереди, так и сзади, проворно спешила, храня молчание, дабы не нарушить ночную тишь.

Спешившись, Кун Лю тихо махнул рукой. Более того, мужчина дождался, когда большие ворота резиденции тихо распахнутся при появлении Цзы Яня.

— Его Высочество ещё не ложился, прошу специального посланника следовать за мной.

Не проронив ни слова, Цзы Янь легко сжал рукоять меча и, достойно держа голову, перешагнул высокий порог, словно не боящийся смерти воин, направляясь к уже обнажившему клык хищнику. Молодой генерал, конечно же, понимал: одолеть Хэ Ди будет очень непросто.

Будучи выходцем из низшего сословия, точнее из простолюдинов, он был выбран из тысячи солдат Его Величеством Жун Тянем, который позже занимался его обучением, поэтому, что касается навыков искусства меча, Цзы Яня можно было назвать выдающимся мастером среди всех военных Силэй, даже такой ветеран, как Тун Цзяньмин, потерпел поражение в борьбе с ним.

Освоение искусства меча означало, что нужно тренировать сердце и ясность ума мастера, дабы разглядеть намерения вражеского меча. Однако Хэ Ди всё же являлся сложным противником, мысли которого предугадать нельзя: хоть он и происходил из императорского рода, однако с радостью водил дружбу с морскими разбойниками, а во взгляде раскосых глаз искрился необыкновенный и загадочный блеск.

Для Цзы Яня, который обладал интуицией, присущей мастеру меча, Хэ Ди был подобен гадюке, алчный и строптивый. В душе взвесив все «за» и «против», молодой генерал спокойно последовал за Кун Лю.

Цин Ли проявил к Хэ Ди искреннее гостеприимство — в резиденции, служившей временным жильём даньлинскому принцу, был разбит живописный садик, без единой пылинки. Дорожка тянулась от больших ворот через сад, по левую сторону которого находилась каменная гора[1] с прудом, за ними на пути выросли очередные ворота, где располагалось много охранников.

Переступив порог, прибывшие попали во двор внутренних покоев, которые специально отводились для отдыха дорогих гостей, однако отвечающие за безопасность Его Высочества даньлинского принца телохранители преградили дорогу, требуя у Цзы Яня отдать меч.

— Положение Его Высочества благородно, поэтому просим специального посланника отдать меч, только тогда Вы сможете увидеться с принцем.

Остановившийся Цзы Янь равнодушно окинул взором находящегося рядом Кун Лю.

Тот, в свою очередь, невинно посмотрел на молодого генерала:

— Нынешняя обстановка в Тун осложнилась, да ещё и наш принц прибыл издалека, потому обязательно приходится быть очень осторожными. К тому же специальный посланник прибыл лишь обсудить мирный договор, к чему держать при себе меч?

— Для обсуждения мирного договора обязательно нужно меня обыскивать? — смеясь, спокойно спросил Цзы Янь.

— Стоит ли специальному посланнику из-за подобного пустяка мешкать? Для моего Даньлинь мирный договор — лишь прибыльное дело, полученное росчерком кисти, а для Жун Тяня и князя Мина мирный договор имеет огромное значение. По слухам, Сяо Цзун, когда передавал право на наследство, приказал князю Мину обязательно в течение этого года проложить маршрут к светящемуся песку, дабы тот доказал собственную мощь, иначе последствия будут серьёзными, верно?

Молодой мужчина крепко стиснул рукоять. Хэ Ди действительно гадюка, одним укусом вцепился в мягкое ребро[2] Цзы Яня.

Ведь прокладывание маршрута к светящемуся песку для князя Мина являлось большим делом, не терпящим ошибок, в противном случае не только князю Мину будет сложно объясниться перед Сяо-шэнши, но и государю по возвращении в Силэй будет тяжело завербовать рядовых солдат, а также разобраться с расходами на провиант при его подготовке.

— Не принимать во внимание мирный договор и отправиться восвояси или отдать меч и пройти внутрь, дабы лично побеседовать с Его Высочеством, прошу специального посланника выбирать, — бесцветно вынуждал Кун Лю.

Разбойник!

Столб искр рассыпался в иссиня-чёрных глазах Цзы Яня, словно внезапно разгоревшийся огонь под покровом ночи, но вмиг всё исчезло. Почти неосязаемый леденящий душу холод, исходящий от молодого генерала, резко обдал тело, и Кун Лю невольно тайком насторожился, внимательно поглядывая в сторону Цзы Яня. Но молодой мужчина продолжал стоять на месте, словно каменное изваяние. Лишь небольшая рельефная грудь выдавала всё то гневное настроение, что сейчас охватывало сердце, а после короткого молчания даже грудь перестала вздыматься, постепенно успокоившись.

— Благородный принц с нашим государем и князем Мином друзья, как смеет Цзы Янь держать при себе меч и дерзить? — равнодушно выплюнул силэйский генерал. После чего, развязав пояс с мечом, Цзы Янь вручил его охраняющему двери приближённому стражнику Его Высочества, спокойно наказав: — Этот меч — драгоценность, пожалованная моим государем, прошу внимательно присмотреть за ним.

И проследовал за Кун Лю во внутренние покои. Как только занавеска поднялась, молодой генерал погрузился в приятный для глаз свет, словно оказался в другом мире. Когда Цзы Янь находился снаружи покоев, то висевшая на окне многослойная шёлковая занавеска прикрывала пламя от его глаз, но сейчас, зайдя внутрь, он заметил в императорской опочивальне зажжённые большие свечи разных форм, самая толстая из которых превышала размер детской руки, и подобных свечей там насчитывалось не менее сорока-пятидесяти штук.

Дрожащее пламя свечей освещало каждый уголок в комнате, как днём. Слухи о том, что царствующий род Даньлинь преклоняется перед роскошью, подтвердился.

Казалось, помимо кровли и пола, вся мебель во внутренних покоях была переставлена, более того, она совершенно не походила на тунскую, наоборот, на полу расположились словно все дары природы — разостланный в несколько слоёв дорогой и нежный шёлк, на котором сверху лежали круглые парчовые подушки и мягкие полотенца.

В комнате находились отлитые из золота и серебра стебли-столбики, изогнутые в превосходную дугу, и на них, словно на подставках, расположилось мягкое уютное «гнездышко»[3], лиловый шифон свисал с этого ложа почти до пола, слегка качаясь от дуновения лёгкого ветерка.

Ослепительный свет преломлялся в блеске шёлка и парчи, рядом сидели разодетые в жемчуга красавицы, словно ароматные орхидеи[4], да ещё в придачу стояла разнообразная посуда, на которую стоило взглянуть, и приходило осознание — это не дешёвое наслаждение... Запах роскоши бил в лицо.

Полубнажённый, прикрывающий нижнюю часть тела лишь белой тканью, Хэ Ди, как раз лежавший в этом умопомрачительном мягком «гнездышке», лениво смерил взглядом вошедшего в его владения Цзы Яня.

— Цзы Янь из Силэй с почтением приветствует даньлиньского принца Хэ Ди.

Его Высочество снизу вверх рассматривал стоящего перед ним молодого генерала. Взгляд раскосых глаз скользил по стройным сильным ногам, что были обуты в крепкие очищенные до белизны с высоким голенищем тканевые сапоги, по груди, туго обтянутой одеждой, по шее... В конечном итоге взгляд остановился на чёрных как смоль и сияющих, словно звёзды, глазах, в глубине которых не угасал боевой дух.

— Поздней ночью позволил себе вызвать специального посланника, этот принц крайне сожалеет. Посланник устал, наверное.

— Ваше Высочество слишком учтив, мирный договор является для двух сторон важным делом, потому Цзы Янь ни на волос не позволит себе легкомысленных чувств.

— Э? — в голосе Хэ Ди прозвучала шелковинка вдумчивости. — Правдивы ли слова

специального посланника?

— Конечно.

«Этот мужчина, даже когда серьёзен, такой сексуальный. И впрямь заслуживает смерти, вызывая желание прижать его к земле и позабавиться, доводя до слёз...»

В глубине души пронеслась порочная мысль, охватывая обжигающим огнём каждый мускул Его Высочества. А в глубине раскосых глаз клокотало ещё более обжигающее пламя.

— К чему стоять, прошу, сядьте.

Сесть? Цзы Янь окинул взглядом безмерно-роскошную шёлковую и мягкую подушку, которая, как ни посмотри, напоминала большую постель, где в любое время можно было заняться любовными утехами. Но, кроме неё, казалось, больше не было другого места.

Едва подумав, молодой генерал, не желая впустую болтать, тихо расшнуровал сапоги и, ступив на мягкую подстилку, выбрал угол и сел, поджав под себя ноги.

— Кун Лю-гуйшу[5] сказал, что у Вашего Высочества появились какие-то опасения по поводу проведения морского пути и перевозки светящегося песка из Даньлинь на материк, надеюсь, перед тем, как покинуть Тун, удастся полностью всё обсудить и принять верное решение?

Но в ответ молчание.

— Ваше Высочество принц Хэ Ди?

Цзы Янь старался держаться спокойно. Гневаться на противника и поступать опрометчиво — для мастера меча табу, также молодой генерал понимал, что Хэ Ди вовсе не являлся таким безрассудным, легкомысленным и разнузданным, как казалось.

Однако как раз в ходе их личной встречи этот мужчина дал понять, что совершенно не принимает во внимание его, Цзы Яня, слова, а, наоборот, растягивал губы в коварной дурной улыбке, поглядывая на него, словно перед глазами находится занятная добыча, отчего трудно было сохранить какое-либо спокойствие, подобно отражающимся в зеркале чувствам.

Вдоволь оценив мужчину, который вызывал сердечный зуд, Хэ Ди скрыл слишком пристальный взгляд и безразлично прервал молчание:

— Освоить морской путь нелегко, я серьёзно всё обдумал и считаю, что с подобным делом не стоит торопиться, необходимо его постепенно осуществлять.

— Насколько постепенно?

— Сначала мы определим морской путь, когда отыщем подходящий, выйдем в пробное плавание, и если всё будет в порядке, потом сразу начнём перевозить светящийся песок.

— А когда именно, поконкретнее?

— Кто знает. — Хэ Ди удобно упал в мягкость подушек, лежащих кучей, из-под парчи высунулась крепкая стройная нога, с без стеснения обнажённой бронзовой кожей, которую некогда иссушило морское солнце. — Море — вечная загадка, определить морской путь? Хм, во всяком случае понадобится десять месяцев, на пробное плавание нужно четыре-пять месяцев, этот принц полностью выполнит данное дело к концу следующего года.

— Слишком долго. Данную проблему обязательно следует решить в этом году.

Ведь если превысить назначенный Сяо Цзунем срок, в таком случае в проложении морского пути нет никакого смысла. Уголки губ Хэ Ди изогнулись в бросающейся в глаза улыбке, и, непристойно подняв бровь, принц разглядывал мужчину, в котором таился негибемый дух.

Среди нежного и ароматного нефрита[6] он, Цзы Янь, чувствовался совершенно чужим, но даже сидя поодаль, поджав ноги и держа спину прямо, молодой генерал напоминал древко знамени, которое никогда не гнулось под натиском непогоды, более того, где бы молодой генерал не находился, воздух наполнялся чистотой и умиротворением, вытесняя запах развратного наслаждения, насыщая взамен другим, принадлежащим ему, ароматом.

— Если проложить морской путь и перевозить светящийся песок, то это принесёт огромную прибыль обеим сторонам. Род Сяо весьма искусен в ведении дел, к тому же обладает выдающейся репутацией, может ли Ваше Высочество как-нибудь ускорить выполнение данной задачи? — Терпя на себе бесцеремонный взгляд Хэ Ди, сидящий прямо Цзы Янь с достойным и серьёзным видом продолжил: — Я от имени своего рода, государя и князя Мина заранее хочу попросить прощения и поблагодарить Ваше Высочество.

— Ваша рана зажила?

От прозвучавшего вопроса Цзы Янь слегка застыл, затем поднял чёрные глаза, встречаясь с двусмысленным взглядом Хэ Ди, и после долгого молчания вернул:

— Премного благодарен за беспокойство, рана уже зажила.

Чем вызвал смех со стороны даньлинского принца:

— Позвольте мне взглянуть.

Цзы Янь внезапно замолк.

Находящиеся либо рядом, либо неподалёку разодетые во фривольные наряды, что лишь наполовину прикрывали белоснежные груди, красавицы подобно обворожительным змейкам обвивались вокруг даньлинского принца, слушая разговор двух мужчин, и, понимая друг друга без слов, девушки, поджав губы, мягко захихикали.

В воздухе комнаты, что тонула в свете свечей, резко почувствовался мрачный запах с нотками порока.

— Что? Посланник — взрослый человек — и стесняется? Моя рана уже зажила, — и с этими словами Его Высочество кончиком среднего пальца скользнул по обнажённому плечу, где на бронзовой коже красовался совершенно не ужасающий и не глубокий шрам, словно кто-то неосторожно провёл кистью, оставив светлый след. — Я совершенно не против позволить Вам хорошенько полюбоваться этим творением, оставленным Вашей рукой.

Взгляд чёрных глаз, обращённый в сторону даньлинского принца, поменялся с терпеливого, скрывающего чувства, на дерзкий и бесстрашно острый.

— Действительно, я тот, кто ранил Ваше Высочество, если Ваше Высочество хочет отомстить, то прошу, дайте мне немного времени, чтобы я оставил записку князю Мину, где попрошу снять меня с должности специального посланника и выбрать кого-нибудь другого, — равнодушно сказал Цзы Янь. — Таким образом, если я умру, Ваше Высочество не лишится столь выгодной сделки.

Этот мужчина по имени Цзы Янь хоть внешне спокоен, но, по-видимому, уже придумал какой-то план. Это явно неспроста.

— Тц-тц, что за преданный своей стране посланник, обладающий горячей кровью, доблестный человек, может быть, подобный образ тронет чьи-либо чувства, — на лице Его Высочества возникла циничная и пренебрежительная улыбка. — Но меня этим не проймёшь.

Хэ Ди лениво вытащил из-под подушки руку, держа в ладони свиток, что было понятно при первом же взгляде, и, сжимая пальцами, небрежно раскрыл его, шёлковая ткань с написанным на ней мирным договором невесомо скользнула по воздуху, демонстрируя кропотливо написанные чёрной тушью слова, аккуратно уместённые в несколько строк.

И перед лицом Цзы Яня Хэ Ди плавно вытянул руку, приблизив к горящей свече. Мирный договор — документ особой важности, но для Хэ Ди, казалось, он являлся не имеющим какой-либо ценности мусором, на который даже не стоит обращать внимание, к тому же он держал свиток как вздумалось, достаточно было одного неосторожного движения, чтобы шёлк угодил в огонь, где сгорел бы дотла.

От подобного осознания молодой генерал ощутил, как твёрдое и крепкое тело внезапно

напряглось.

— Этот принц не любит пустой болтовни, — несмотря на свою беззаботность, Хэ Ди говорил слишком пренебрежительно, тая в довольном тоне угрозу. — Позволь мне взглянуть на твою рану.

Цзы Янь, проявляя абсолютную непочтительность, уставился на Его Высочество, который, в свою очередь, смотрел на него. Вытянув руки, молодой генерал ослабил пояс и распахнул верх одежды.

— Нет, — глухо засмеялся Хэ Ди, — сними верхнюю одежду, чтобы я как следует разглядел.

Ему, принцу, нравились эти глаза, которые осмелились пристально смотреть на него, Хэ Ди, без шелковинки какого-либо страха, полные силы, словно пара бесподобных чёрных нефритов. Даже можно сказать, был соблазн безжалостно пройтись по ним языком.

Но Цзы Янь всё так же убивал молчанием. Без жеманства и смущения силэйский генерал проворно снял верхнее облачение и откинул в сторону.

— Вы уже видели, — раздался ясный голос без тени волнения.

Мышцы за долгие годы тренировок сделались пропорциональными, придавая телу стройный вид. Под выступающими ключицами внимание Хэ Ди привлекла вовсе не зажившая у сердца рана, а пара бледных сосков, казавшихся на первый взгляд слишком нежными, отчего душа готова была вырваться наружу.

Даньлинский принц напоминал голодного волка, учуявшего запах свежей крови, его дыхание участилось, а жадный взгляд пал словно на самое сладкое лакомство в мире.

Вот только мудрый волк, перед тем как вонзить клыки в добычу, непременно должен был проверить, отравлена она или нет.

Хэ Ди, взяв одну из приближённых девиц, толкнул в сторону Цзы Яня, приказывая с холодной усмешкой:

— Иди и как следует обслужи высокопоставленного посланника.

Застыв на короткое время, красавица поняла и, вновь обнажив обаятельно-соблазнительную улыбку, двусмысленно приблизилась к Цзы Яню. Розовые пальчики коснулись обнажённых ключиц, заставляя ровно сидящего генерала слегка вздрогнуть, после чего Цзы Янь бессознательно оттолкнул красавицу от себя, позволяя той упасть на мягкие подушки.

— Премного благодарен за расположение Вашего Высочества, но военному человеку не нравится сближаться с красивой женщиной.

От пристального и наполненного пороком взгляда Хэ Ди Цзы Янь ни разу не укрылся — всё время смотрел прямо в глаза.

На что Хэ Ди низко рассмеялся:

— Тогда... как насчёт мальчика для утех?

— Тоже не нравится.

— Ха-ха, неужели высокопоставленный посланник девственник, ни разу не пробовавший земные удовольствия? — подразнил Хэ Ди, дважды хохотнув.

Слова звучали ещё откровеннее.

Цзы Янь, чей взгляд был прозрачен, решительно уставился на принца и без тени презрения на лице, возмущения и гнева приглушённо задал встречный вопрос:

— И что с того?

Улыбка Его Высочества мгновенно застыла, а в комнате воцарилась необычайная тишь.

Находящийся перед ним молодой мужчина, обладающий внешностью, способной очаровать немало женщин, с которыми можно было отведать наслаждения, на самом деле до сих пор оставался девственником?

Девственником! Разве окружавшие этого мужчину женщины слепы? Разве мужчина по крайней мере не должен украсть пару раз мясо[7]?

Хэ Ди задумчиво окинул взором молодого генерала, блеск в глазах погас, и внезапно даньлинский принц хмуро позвал:

— Кун Лю, подай вина!

Дверь в покои распахнулась, Кун Лю, ведя за собой нескольких приближённых служанок, внёс то, что просил Его Высочество:

— Ваше Высочество, вино подано.

Увидев поднесённый терпкий напиток, окружавшие принца девушки одна за другой сели на колени, дабы поухаживать за господином — напоить вином.

Воспользовавшись удобным случаем, когда красавицы преподносили к его губам чаши с багряным «зельем», Хэ Ди незаметно для Цзы Яня тихо подал знак своему доверенному слуге, Кун Лю, который, поняв, притворился, что вино закончилось, поклонился и, отступив, наконец приблизился к силэйскому молодому генералу и внезапно громко приказал:

— Взять!

Будучи всегда настороже, Цзы Янь никак не думал, что Хэ Ди хитрее лисицы, и не ожидал, что после, казалось бы, обычной подачи вина противник, дав волю рукам, опередит его, поэтому, когда раздался громкий крик, молодой генерал инстинктивно подпрыгнул и прикосновением руки попытался резануть шею Кун Лю сзади.

Обладавший искусством боя Кун Лю нанёс удар первым — живо схватил взмывшие вверх, полные силы руки и, согнув колено, внезапно врезал Цзы Яню в область поясницы и живота.

Цзы Янь тотчас же увернулся, но телохранители Его Высочества подскочили и, словно две горы, крепко обхватили силэйского мужчину. Один на один с таким мастером, как Кун Лю, бой представлялся несколько сложным, хоть Цзы Янь обладал превосходной ловкостью, но как пара кулаков могла выстоять против четырёх рук?

Молодой генерал оказался внезапно безжалостно придавленным несколькими рослыми людьми, сжимающая его затылок рука была особенно сильной, тем самым прижимая половину лица к мягкой подстилке, принося боль от трения и не позволяя сделать даже малейшего движения.

Подняв взгляд, насколько позволяло положение, Цзы Янь только и мог смотреть на Хэ Ди снизу вверх и видеть его до ненависти самодовольную улыбку.

— Общайте его, внимательнее, — безразлично приказал Хэ Ди.

И немедля несколько крайне сильных рук беспощадно оцупали Цзы Яня сверху донизу.

— Ваше Высочество, при этом мужчине нашлось это. — Кун Лю, держа обеими руками, протянул похожий на рыбу кость кинжал.

Взяв его, Хэ Ди посмотрел на остриё, где тонким слоем был нанесён едва заметный след, поднеся к носу и понюхав, принц поднял бровь и со смехом проговорил:

— Посланник на первый взгляд справедливый и непреклонный, но на самом деле может прибегнуть к яду.

Подчинённые Его Высочества, услышав, что остриё кинжала отравлено, почувствовали ненависть к смелому Цзы Яню и ещё безжалостнее надавили на затылок и заведённые за спину руки. Раздался лёгкий хруст костей, от боли молодой генерал свёл брови к переносице, но продолжал хранить молчание, скрежеща зубами.

Не обращая на молчаливого мужчину внимания, Хэ Ди по-прежнему улыбался, и подобное бросалось в глаза:

— Ты ошибочно полагал, что, убив меня, уничтожишь морских разбойников Даньлинь? Как только они станут подобны блюду песка[8], даже без мирного договора твой дорогой государь и князь Мин всё же могут, опираясь на свою мощь, последовательно разгромить морских разбойников и, забрав власть над даньлинским проливом, освоить путь перевозки светящегося песка. Хех, и может быть, они одним ударом ввергнут во мрак правящий род Даньлинь, поглотив мою страну, как это уже однажды сделал князь Мин с Дунфань?

Цзы Янь, подвергшись крепкому захвату, почти задыхался, но, услышав ещё более мрачный тон Хэ Ди, в котором звучало обвинение в сторону князя Мина, и, сдерживая нестерпимое давление на легкие, в полной мере спокойно сказал:

— Ваше Высочество ошибается. Этот кинжал я всегда применяю лишь ради собственной защиты, поэтому держу при себе, вовсе не желая как-то навредить Вашему Высочеству.

Над головой раздалось слабое хмыканье:

— А кинжал, предназначенный для собственной защиты, тоже необходимо смазывать ядом?

— Ваше Высочество, сами подумайте, освоение морского пути необходимо осуществить в этом году; даже если Ваше Высочество падёт от моих рук, государю и князю Мину нужно будет подавить многочисленных морских разбойников, хозяйничающих в даньлинском проливе, а после освоить морской путь, времени на всё это не хватит. — И Цзы Янь задал встречный вопрос: — Зачем мне, отказавшись от простого и лёгкого пути, прибегать к более сложному?

Над головой царил тишина. Хэ Ди, по-видимому, погрузился в какие-то мрачные мысли. Лишь спустя долгое время даньлинский принц рассмеялся:

— Сегодняшняя ночь выдалась слишком утомительной для этого принца, что ж, прошу специального посланника пройти в гостевые покои, где отдохнёте. Стража, хорошенько позаботьтесь о нём, не стоит к нему относиться неучтиво и смотрите, чтоб не сбежал.

Его Высочество позволил нескольким сильным охранникам связать Цзы Яня верёвкой так крепко, что он стал напоминать цзунцзы[9], потом приказал увести по-прежнему спокойного силэйского генерала, взяв под стражу. После Хэ Ди разогнал всех красавиц, что до этого вились вокруг него, оставив подле себя лишь одного слугу — Кун Лю.

Как только все ушли прочь, во внутренних покоях стало довольно просторно. Дрожащее пламя свечей отбрасывало на лицо даньлиньского принца мрачные тени.

— Кун Лю, что скажешь?

На что слуга, подумав с минуту, осторожно ответил:

— Этот мужчина, как уже подтвердилось, питает неприязнь к Вашему Высочеству, однако он сохранял полное спокойствие, проделывая путь от резиденции принца Цин Ли до покоев Вашего Высочества.

— Именно из-за чрезмерного спокойствия он вызвал у меня подозрение. Тем кинжалом он действительно хотел убить меня или всё же клинок служил ему в качестве защиты?

Кун Лю нахмурился, вновь глубоко задумавшись.

— Насчёт этого момента Ваш подчинённый не смеет нести чушь. Вот только Ваше Высочество отметил кое-что: раз уж кинжал используется ради защиты, тогда нет нужды мазать его ядом, верно?!

— Он рассчитывал покончить с собой.

Вслед за утверждением Хэ Ди температура в покоях резко упала до предела.

Находясь подле принца много лет, Кун Лю почувствовал, как от тела хозяина исходит бросающая в дрожь жестокость, заполняя воздух.

— Ваше Высочество, это кажется несколько неприемлемым.

— Что именно неприемлемо? — даньлиньский принц холодно посмотрел на ослепительный огонь, тонкие губы изогнулись в блёклой, но не предвещающей ничего хорошего, улыбке. — Он ответил на моё приглашение и прибыл в резиденцию Цин Ли, но в один прекрасный момент в безлюдном укромном месте при странных обстоятельствах заколет себя отравленным кинжалом. После чего я не только напорюсь на недопустимый конфликт со стороны обеспокоенного рода Сяо, но, боюсь, придётся объяснить роду Сяо, почему со специальным посланником, находящимся здесь, произошла беда. Хн, если я с недоверием отнесусь к Цин Ли, и не исключена возможность, что из-за этого наши с ним отношения разорвутся, станет ли князю Мину от этого выгоднее? С мирного договора можно поиметь огромную выгоду, и он предположил, что я приму другого посланника, да? — в глазах принца появился мрачный блеск, заставляющий сердце трепетать. — Этот мужчина считает, что я лишь хочу свести с ним счёты за его тогдашний поступок, ошибочно предположив, что после его смерти моё с князем Мином сотрудничество станет ещё веселее. — Голос зазвучал приглушённо: — Он шёл сюда с целью умереть.

Кун Лю успокоился:

— В таком случае, принц, нужно лишь позволить ему понять, что Даньлинь, кроме него, категорически не примет другого посланника?

— Этот принц, разумеется, позволит ему как следует это уяснить. Вот только, если судить по реакции, которую он только что показал в отношении прелестных красавиц, этот мужчина погряз в искусстве меча и никогда не притрагивался к женской красоте и также не имеет пристрастия к мужчинам.

Крайне удивлённый Кун Лю внезапно отозвался:

— В таком случае, получается, что он девственник?

— Верно.

Выражение лица слуги стало странным.

Морские разбойники всегда имели дело с изменчивыми Небесами[10] и морем, им хватало смелости не нарушать всяческие запреты. А посягая без какого-либо обстоятельства на жизнь человека, пираты как раз старались избегать одного весьма немаловажного аспекта. Поскольку верили, что Хайшэнь[11] особенно любит невинных[12] как мужчин, так и женщин, повсюду защищая их, к тому же питает злобу к тем, кто посмеет осквернить их. Поэтому морские разбойники, грабя торговые суда, насильствовали, убивали и похищали людей, и Небеса не считали подобное преступлением, но для начала выбранная цель проверялась: является ли невинной или же нет, дабы не оскорбить Небеса и не навлечь беду.

Таким образом, если Хэ Ди желал попробовать на вкус Цзы Яня и разделить вместе с ним постель...

— Я ни за что не позволю ни женщине и уж тем более другому мужчине своими руками осквернить его девственное тело. — И, не дожидаясь, пока Кун Лю что-нибудь скажет, Хэ Ди добавил: — Он мой.

Долгое время пребывая в изумлении и страхе, слуга вынужденно вздохнул:

— Тогда принцу остаётся лишь следовать старым правилам, дабы получить благословение Хайшэнь.

Даньлиньский принц ничего не ответил. При мысли об упомянутых «старых правилах» лицо, что до сих пор сохраняло непринуждённость, внезапно слегка исказилось в жалкой гримасе.

Ну почему этому принцу из всех на земле попалась кошка, никогда в своей жизни не воровавшая мяса[13]? Или всё же кот?!

Примечания:

[1] 假山 (jiǎshān) — цзяшань — искусственная гора в саду камней, созданная из каменных блоков. Сад камней — неотъемлемый элемент классических китайских садов, это миниатюрный сад, состоящий из камней и других элементов, создающих впечатление горного пейзажа, в котором горы соседствуют с водоёмами. Искусственная гора в современных китайских садах обычно имеет небольшой обзорный павильон на вершине.

[2] Перен. ахиллесова пята; слабое место.

[3] 温柔乡 (wēnróuxiāng) — вэньжоусян — царство нежности и ласки, уютное гнёздышко; перен. нежные объятия женщины.

[4] В оригинале используется 黛 (dāi nǚ) — дай нюй — ещё одно название орхидеи. В древних записях была фраза: «Орхидеи такие же ароматные, как красавицы», поэтому орхидеи ассоциируются с девушками и отсюда название «женский цветок».

[5] Цзы Янь называет Кун Лю 贵手 (guì shǒu; zhǔ) — гуй шу\чжу — вежливая форма обращения сотоварища\подчинённого к другому подчинённому.

[6] 软玉温香 (ruǎnyù wēn xiāng) — жуаньюй вэнь сянь — означает «мягкий, кроткий, покорный». Запах яшмы или нефрита соотносится с мягкой и благоуханной женской плотью и кожей. Имеется в виду, что Цзы Янь находится среди женщин.

[7] Хэ Ди говорит 腥 (xīng) — син — сырое мясо; сырая рыба. Хэ Ди имеет в виду любого, с кем занимается любовными утехами, просто-напросто мясом.

[8] 一盘散沙 (yīpán sǎnshā) — ипань саньша — «блюдо сыпучего песка»: обр. о полной распылённости, раздробленности, разобщённости, разброде.

[9] Кушанье из клейкого риса с разнообразными начинками, завернутое в тростниковые или другие листья, традиционно готовится на праздник драконьих лодок.

[10] 老天 (lǎotiān) — лаотянь — Бог; небо (как божество).

[11] 海神 (hǎi shén) — хайшэнь — морской бог, Посейдон, морская нимфа.

[12] Подразумевается «невинных телом».

[13] Обр. найти на стороне любовницу.

<http://bllate.org/book/13377/1190251>